

О ГРАФИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ КОРНЕЙ И ФЛЕКСИЙ

О само-стоятельности, само-бытности и неоценимой значимости осознания слова и донесения корневого смысла, украшенного, про-яснённого, о-гласованного флексиями... О выделении и видимом раз-общении, о подчёркнутом уважении к значимости флексий в составе слова... О флексиях, о-существляющих значение корня и корнях само-стоятельно дополняющих друг-друга в сочтении их смыслов... Позволим себе дилетантские, не профессиональные суждения на сей счёт, являясь отнюдь не специалистом, но лишь благодарным и любящим «пользователем» - носителем родного языка. Пользователем, нарочито и в угоду себе – сознательно занимающимся нарушением правил написания... - право-писания слов...

Выскажемся в меру сил, на о-значенную тему, поскольку в своих заметках, очерках, – слишком часто и дерзко нарочито разрушаем сложившуюся языковую норму, - употребляем искусственно принятый к употреблению приём графических разделений целостных слов... быть может, слишком активно и навязчиво применяем его, по-детски радуясь такой возможности, найденной для себя, вы-явить, подчеркнуть смыслы, таящиеся в слове, смыслы, желанные к вы-явлению. Это желательное в нас начало – удовлетворяем в самом себе, быть может, идя на поводу своего желания – выразить так то, что, казалось бы, не выразимо обычным «нормированным» способом выражения – традиционного записывания слов и мыслей. Слишком без-ценны, слишком велики и значимы смысловые огласовки, эмоциональные чувственно – выразительные нюансы, при-вносимые в слово его удивительными много-значительными префиксами, искрящимися суффиксами, таинственно – изъ-явительными окончаниями... интонациями, пред-усмотренными контекстом. Слишком без-ценен кладезь – буквально без-донный колодец языка, изнутри которого неизменно видны звёзды пре-выше-небесные. Для видения, любования и усвоения звёзд этих, для словесного свидетельства о них – и образованы, и переданы нам - пред-назначенные к Богу – ведению, Бого-общению, к постижению Бога... и пред-назначены нам эти глубины о-живо-творяющего, о-человечивающего, во-одушевляющего, о-духо-творяющего нас языка. Осторожно скажем и большее: языка, о-словесующего нас, делающего нас сущими во слове – у-сыновляемыми образами Бога Слова... и не менее того... Неоценим воспринятый нами дар нашего словесного наследия, - дар – даром и не напрасно, пре-поднесённый, влитый в наше существование к усвоению и пре-умножению – дарованный нам. И можем ли пользоваться этим дарованием как-то походя, небрежно, вскользь... - соскальзывая во грех вместе с этим даром... без-ответственно перед ним и перед Даровавшим... Можем ли мы пользоваться дарованным исключительно для употребления низкого и не заботясь об истинном назначении этого дара... - к евангельскому пре-умножению, благодарному и благодатному устремлению себя – человека и тварь - к своему Творцу... Можем ли без благоговения обыденно помышлять о своём языке, - как органе нашего живого со-общения друг с другом, но более того - с Творцом нашим... Можем ли не восторгаться благодарно языком, со-участвующим и свидетельствующим о нашем со-беседовании перед Богом... Можем ли не радоваться непрестанно, неся в себе язык нашего обращения и говорения с Творцом... язык нашего со-единения во «единые уста и в единое сердце», к едино-мысленному ис-поведованию и вос-приятию Бога внутри нашего Бого-сыновства и в личное при-общение ко Господу Слову. Таковы высоты, и вполне - не высказать себя перед ними.

Возможем ли жить, о-словесенные своим языком, не величая, в себе высот обретённого дарования, не радуясь непрестанно им... не упиваясь душою и не наслаждаясь духовно радостью самой возможности Бого-общения на родном для себя языке, усвоенным – своим словом... не воз- величивая этого сокровенного и по-все-дневно на всяческую потребу праздно-словно употребляя этот дар... На всяческую потребу, кроме той, для которой и дарован нам – этот - наш дар - слова...

Флексии, о-гласовки, смысловые об-рамления, расширяющие, наполняющие словесный корень или пере-плетения корневых значений и звучаний, передаваемых словами. Об этом хочется рассудить здесь, повторимся, вполне дилетантски, не профессионально размыслить.

Церковно-славянские, древне-славянские писания, - говорим лишь о своём родном языке, - укладывают про-износимое, во-площаемое слово – в текст, как сплошную и нераздельную по-следовательность букв. Не разделяются слова в этой последовательности, не делимы смысловые составы предложений. Не отделяются союзы – со-узы слов - от несущих суть, изъ-являющих существо про-износимого – слов существенных, существительных... от деятельных, свидетельствующих и понуждающих к действию, о-глагольвающих нас глаголов... от красно-речиво описательных и при-влекательных прилогов наших, в-носящих свойства изъ-являемого в нашу речь – от при-лагательных слов. Красоты и пере-ливы, пере-каты словесных со-гласий и со-звучий существенно – информативные составы пред-ложений со-единены в единый искрящийся поток, в сим-фонию, - единими усты... - из единого смыслового устья – непрерывно, нераздельно текущую, можно бы сказать почти нераспознаваемую не расчленённую речь – течение, которое, однако же в своей неразделённости, в своей не-члено-раздельности, является неделимым целым течением целостного слово - изъясительного потока речи, записанной словом.

Читающему... в-читывающему себя в это течение, в этот по-ток во-площённого слова – надлежит быть весьма и весьма со-средо-точённым во внимании к этому потоку, в вос-приятии его и в личном в-текании, в-хождении в это течение воплощённых непраздных, - иначе к чему бы всё, - значительных и у-влекающих, во-влекающих в себя - слов. Чтущему, почитающему слово надлежит быть неотрывно внимательным в вос-приятии словесного течения, в котором нет ничего пустого, ничего случайного, незначительного и напрасного, - дабы всякое от-влечение от этого потока – не от-влекло и не прекратило по-следовательного восприятия, не выбросило со-знания и из берегов словесного русла... дабы удержать ум в потоке про-читываемых текущих смыслов... От-влечёшь себя – и весь поток – невозвратно – мимо, и не воротиться к той точке, в которой – вынырнул, выскользнул из текста. Так, от читающего древне – славянский текст требуется предельная концентрация и напряжение, со-средо-точение и личное волевое, деятельное, со-действующее в восприятии усилие – удержаться на смысловом стержне – на стрежени потока слов, чтобы, вос-принимая, и рас-познать, и у-яснить в себе про-читываемое. Отсюда – обязывающая нас в вос-приятии - неспешность и чинность про-читывания. Мы ведь сами, волею своею, личным чтением своим, по мере у-своения – в силах ускорить или замедлить движущийся поток воплощённого слова... в силах и обращать его вспять, вос-принимая в-нове, насыщаясь по-вторно до насыщенности утолительной... И при чтении со-общаемого слова внутри церкви, при прочитывании, про-изнесении слова внутри едино-сердечного со-общества, слова, звучащего и слышимого внутри единого тела Христова, внутри сердца Его, со-единённого в нас, - уже не замедлить потока вос-принимаемых слов, не настроить его на своё личное особенное, уединённое вос-приятие, не допустишь пауз и

вразумительных, у-сладительных, у-яснительных, о-сознающих повторений... текст прочитывается тогда чинно, дыханием со-ответствующим, со-гласным с общим нераздельным вос-приятием.

Не раз-делены слова в древнем церковно – славянском тексте, не от-делены друг от друга, но с-вязаны единою вязью смысла, в течение которого нет некоего дискретного расщепления на составы речи, пред-ложенной и звучащей к у-яснению слова, во-площённого в текст. Так – было у благочестивейших наших предков... пред-шественников в со-держании, несении в себе и пре-дании нам - нашего языка... столь трепетно и по-достоинству – ценивших усвоенный дар словесности. Записанная речь не об-легчала во-площённого в текст живого слова – не выхолащивала сущности про-износимого, не снисходила к немощи читающего или воспринимающего на слух, но воз-водила внемлющего к своим словесным высотам. В предельном сосредоточении и напряжении внимания – должно было – пре-бывать чтущему и понимающему прочитываемое. Иначе – к чему бы про-чтение без-умное, неразумное... как поток слов, об-текает это прочитывание чуждый живому потоку камень нашего... моего невосприимчивого сердца... ледяную и нерастопимую глыбу человеческого и рас-человечивающего себя от слова - естества в этом потоке.

Читающий – буквально в-ливает свою жизнь, самого себя, со-участвует в про-читываемом, реально со-жительствует со словом текущим, в-мещает себя в по-ток текста, при-нимает течение слова в себя, делает его собою и себя – его частью в личном и обще-церковном о-со-знавании про-читываемого. Не делится наше ламинарное сознание на дискретные составы существенные, при-ложенные, глаголющие, со-единяющие... Единый, не дискретный, не пунктирный поток пре-избытствующего и пере-текающего смысла в тексте – со-ответствовал тогда, - помышляем так, что - со-ответствовал свойствам и навыку его вос-приемников, со-ответствовал неразделённости сознания читающего и вос-принимающего... так понимаем мы теперь из своего укоренённого навыкания к иному... И на фоне этой нераздельности, неразделённости слов – особенно полно-ценно и велико-лепно – вос-принимались слова – символы, слова-знаки титулованные, слова, знаменующие у-таённую сакральность, гласящие о сокровенной, не-выразимой полноте смыслов, о коей можно лишь упомянуть, обратиться, не выявив, не исчерпав до дна... слова-образы, не про-писанные до конца, но явленные, к у-знаванию, по-знаванию, словно бы иконный символ. Избранные слова – естественно у-достоены этого титулования, этого вы-деления из общего потока в некий уединённый знак, - его не вос-принять в едином потоке со словами прочими, не вместить его, не объяснить и не прережить, не исчерпать до дна и не вынести усвоенным осмыслением. Не всякое слово – у-достоено этого титулования, пре-бывания – бытия под титулом, внутри некоего знаменующего знака, со-крывающего отдельные гласящие буквы... Слова Бог, Матерь Божия, Дух Святой, Христос... - слишком высоки и за-ведомо онтологически не-вметимы во всей полноте смысла и значения этих слов, остающиеся действительно сакральными – священно-потаёнными, чтобы возможно нам было рядовым способом про-писывать их по буквам и в-мещать в неразделимый поток текста из про-писных букв и рядо-вых слов. Сакральное слово-знак, слово – символ вы-деляется из общего потока своим титулом – титулом. Это слово может сокрыть в себе большую часть составляющих его букв, это слово – у-знаваемо само по себе и не познаваемо, недомысливаемо до конца, до исчерпания вмещённого смысла. Слово, несущее в себе таинственность, вмещающую и не раскрываемую... так в-мешает Себя в нас приобщающий к Себе по благодати и непознаваемый по существу Бог. Слово – узнаётся без его про-читывания: вот, - узнаваемый символ Непознаваемого Бога. И нет необходимости про-

читать его по-буквенно, опасно тешить себя возможностью вос-принимать его буквально. Благочестие записывающего это слово не позволяет у-равнять это слово с прочими, рядовыми в написанном тексте. Титулованный знак – символ из-ряден, из-влечён из общего потока и само-стоятельно – свидетельствует о про-износимом, о символизируемом и непередаваемом до конца – у-знаваемом смысле. Бог. Матерь Божия. Дух Святой. Христос. Не вместить невместимого иначе, как прикосновением к символу. Символ – у-знаётся нашим со-знанием, облегчает наше прикосновение к сокровенному смыслу, делает его возможным... более того, делает единственно – возможным это прикосновение к сокровенному без выхолащивания таинства, без у-маления и о-пошления священно-значимого, без у-мерщвления символизируемого значения.

Станем ли рассуждать о секуляризации, о расслаблении воплощаемого слова, о постепенном рассеивании внимания к нему, об обретаемом «противо-естественном» свойстве восприятия текста, о само-стоятельном течении жизни, о само-стоятельном и удаляющем-себя от Бога и от слова Божьего – жизненном потоке. Само-стоятельном настолько, что и само чтение словесного текста – не воспринимается, не понимается теперь, как в-мешение потока речи внутрь потока жизненного. Ужели что-то внешнее, чуждое – отняло от нас дорогое наше сокровенное сокровище слова. Увы, не чёрным днём, не дикая степь чуждая, ино-племенная – внесла нам погибель, выморочила словесность, ввергая в силки, в полон, при-неволивая к своему без-славному, почти уж без-словесному рабству. Мы – сами мы, собственным отпадением предаём себя неведению Бога – и затмеваем в себе ведение собственного языка общения с Ним... оскоряем, освобождаем от веяния Духа язык свой. Жизнь и обстоятельное существование – течёт как-то от-дельно от Творца своего... словно бы от-дельно от Него... и в само-мнении об отъ-единённости – лишь периферийно, походя и от-странённо при-касается к прочитываемому тексту, вполне довольствуясь этим привычным от-странением. Как последствие этого само-удаления жизненного течения от Бога Слова, последствие всё ширящейся разделённости, - возрастает изнеможение человеческих свойств к восприятию слова, про-износимого и во-площённого в текст, быть может, в разделённости с Богом - мельчает ум, утрачивающий свойства к осознанию текста, как чино-последования воплощённых слов и смыслов. И по мере нарастания расслабленности восприятия человека перед прочитываемым текстом – проявляется разделение слов в едином потоке воплощённой словесности, - слова словно бы усиливаются, рас-сеиваясь, разделяясь, быть воспринятыми раздельно, по частям дополняя друг друга. Помимо слов-символов появляются графические разделения – про-белы в написании текста из слов. Расслабленное сознание, немощствующее в осознании текста словно бы насильно привлекается к потоку записанных разделённых слов. Средствами разделения этого потока на слова – облегчается привлечение внимания к нему. Текст графически, визуально - разделяется на слова, слова отделяются одно от другого – и легче воспринять написанное. Поначалу этого разделения – всё ещё остаются в тексте признаки живой про-износимой и во-прощаемой в текст речи, - знаки дыхания, ударения – как знаки жизненного в-дохновения в нас, принимающих текст. Вария... оксия... камора...- тяжёлое, острое, облегчённое ударение - воздыхание, при-дыхание, эмоциональная выразительная живая о-гласовка букв слова, связанная и со смыслом, с тончайшими эмоциональными оттенками – графические указания и свидетельства о живом про-изнесении, о живом восприятии текста... - оставлены, специально от-ображены в тексте, как над – строчные знаки. Исчезают и они... и слово об-нажается от признаков жизни, от образа живого языка, сохраняя лишь мертвенность букв. Более того, всё более и более рас-слабленной в отъ-единении от Бога Слова – в раз-жиженной несущественностью речи и письменности, в пред-осудительно праздном слове – в потоке текста утрачивается и сама потребность в этих

о-значенных признаках биения жизни, существования живущего слова. Всё более расслабляется язык, удаляется от потребности в напряжённо – духовном воз-глашении смыслов... утрачивает само свойство и признаки глаголения перед Богом. Но наделяется наша словесность замечательными, как бы остаточными свойствами, фантомными болями об утраченной былой выразительной полноте смысловой выразительности... и язык, алчущий, ищущий и обретающий о-живо-творения, словно бы подстраивается под новое, соскальзывающее от Бога – удобо-поползновенное во грех состояние человеческого естества. Язык вырабатывает или воз-рождает из себя удивительный мир смысловых о-гласовок, нюансировок, смыслового украшения, рас-цветивания, обрамления и о-глашения значащего словесного корня. Дивно про-растает и множится неистощимая возможность творческого изобретательного применения уменьшительно-ласкательных, уничижительно ис-пепеляющих, воинственно - задиристых суффиксов... причудливо переплетаются оттенки смыслов, при-вносимых в корень его велико-лепными при-ставками, пререпевными гласными о-кончаний, глухими и звонко звучащими со-гласными звуками – буквами, восполняющими утраченные знаки живого дыхания в тексте. Бесчисленны эти нюансы... неисчерпаем даруемый нам тонко настраиваемый инструмент слова, орган нашего само-осознавания и оргАн нашего само-выражения... Увы, - меркнут, почти что - исчезают эти удивительные обрамления - флексии в своём великолепии внутри целостно прочитываемых слов. Особенное напряжение требуется теперь для того, чтобы вос-принять это велико-лепие, особенное внимание и, быть может, особенный навык... навыкновение к тому, чтобы принять слово во всей хроматически пре-изобильной и много-значительной палитре его смысловых сим-фоничных и поли-фонических тем, оттенков, звучаний.

Пытаемся ли теперь восстановить утраченное в слове, воз-вращаемся ли к неким перво-истоком нашей словесности, увлекаясь рассматриванием составных частей слова... когда усиливаемся пользоваться им в некоей, будто бы обновлённой, предъ-явленной и на-глядной смысловой полноте, выискивая и оттачивая, применяя всеоружие его выразительных средств... когда не считаем возможным ни заболтать, ни унижить, ни пренебречь без-ценным даром, дарованным нам, не-оценимым сокровищем, сокровенным в глубинах родного слова, в возможности и способности нашего языка пере-дать, вос-принять, о-смыслить, до-нести, вы-разить почти невыразимые - мельчайшие, тончайшие смысловые оттенки слова, из-растающие от его корня. И не требует это языковое пре-изобильное богатство от нас самих - ничего - не требует от нас добавить к нему... ничего, кроме нашей радости обретения и обладания словом, кроме нашего искреннего и уважительного о-сознавания и бережного приятия того, что уже существует в языке нашем, как средство выражения и как содержательная сила слов, заложенные в нём до нас и не нами... что вмещено языком может быть вос-принято нами от него или через него... что может быть не-до-оценено нами, о-сознано не в полной мере, не стало ещё вос-принятой и неизбывной радостью нашей о родном – живом слове. Вос-прянем ли с ним, вос-принятым, о-сознанным, у-своенным... от без-различия, от нечувствия, от без-вкусия к нему, что стали будто бы новым нашим свойством – панцирем – роговым покровом на нашей человечности, стали нашей привычностью и обыденностью... и вот - за-балтывается наше слово , обез-силивается изнемогаем в ускоренном бормотании невнятных наших речей, проскальзывает в моно-тонном не-члено-раздельном, звучном, но не внятном - веле-гласном или утробо-звучном, елейно-безликом и уныло-бес-чувственном до без-смысленности про-читывании молитв... Обез-ценивается, обез-славливается слово в нашей скоро-говорке, в унижении слова подлыми смыслами... в о-пошлении, в низведении на землю, в смешении с землёю словесных небес. И в нашей от-влечённой не-восприимчивости к слову – теплится лишь немощ словесная, как примитивный навык к обобщению, со-единению, вос-

становительному со-пряжению разделённых слов, не перегруженных чувствованиями, не обременённых смыслами.

Словно бы смысловой пунктир – оседает словесность в нашем сознании, в нашем усвоительном о-сознании слова слышимого и прочитываемого. Всплески мультипликативных смыслов, зачастую не сливающихся в едино стройно струящееся течение. Отдельные слова в этом компилировании разрозненных словесных смыслов – утрачивают символическое наполнение, словно бы бездыханны – не про-износят действительного своего исконного полно-звучия, мельчают и ослабевают в самой возможности доносить содержащийся в них смысл. Пусть бы даже и оставлен этот смысл, сохранена возможность его про-изнесения, воз-ношения в структуре слова... Полагаем так, что само слово более не может уже оставаться у-таённым, хранилищем смыслов, страдает нераскрытостью незаслуженно утаиваемых значений, не явленных, не вос-требуемых, не-применённых... словно бы зарыт этот дар наш – и скоро – дадим ответ Человеку – Христу в чужой стране – в мире сем – о великом сокровище, зарытом и не пре-умноженном, сокровище нашего слова. Дадим, непременно дадим ответ... И так хочется, так просится к естественному ис-полнению – пре-умножить наш дар – и про-явить, при-менить, говоря о важном, говоря о значимом, раз-глагольствуя о сокровенном и вынося суждения о слишком личностном, слишком значимом для себя, желая быть понятым, услышанным, желая выразить желанное к выражению, - и про-изнести – слово от полноты сердечной. И как удобно, как приятно, как удивительно естественно – пользоваться средствами родного и привычного языка. Лишь только бы – оценить его вполне, пользоваться им во благо, во имя Господнее в этой полно-ценности - передавая передаваемое и за-острить внимание на существенном в нём, на том, как дивно вы-свечивается значение корня, как о-гласовывается оно звуками, пре-ображается и вос-полняется от-тенками и высветлениями смыслов передаваемых и сокровенных, гранями и обрамлениями эмоционального, душевного обаяния в этих частицах-флексиях со-провожающих, пре-посылающих к усвоению, освежающих корень... в этих удивительных, точных и замысловатых пере - плетениях корней, быть может, унаследованных и усвоенных нашей словесностью от древне-греческой традиции ис-тончения и со-пряжения от-точных... изошрённых смыслов.

Вот и дерзаем теперь, претендуя и желая донести сказуемое – так вы-явить корни и смыслы, так – выкрасить огласовки, быть может утяжеляя тексти пунктуационно, и зрительно – расщепляя слово на префиксы, суффиксы, разъединяя сплетённые корни, чтобы каждый из них в этой разделённости был нагляден, оче-виден, - и сиял в своей отъединённой полу – связанности с другим, дополняя и впечатляя саму эту связь. Чтобы наиболее наглядным и внятным становился при-вносимый, при-ставленный флексией смысловой от-тенок, либо от-блеск на корне слова. Чтобы сиял глас в значимом, искро-мётном суффиксе... Чтобы торжествовало про-яснёное значение каждого слова, завершённого достойным его окончанием... - именно таковым. Более того, смысл, передаваемый не всегда возможно про-яснить и вы-яснить одним лишь только простым расщеплением состава слова на флексии и корни. Заметим вскользь и ущербность этого метода, лишаящего читателя творческого самостоятельного действительного осознания слова, всё делаем за него, как бы расчленив и разжёвывая предлагаемое к усвоению слово... Но не достаточно, как видится и этого. Приходится признавать и то, что даже и препарированное слово зачастую не в состоянии описать хотя бы нескольких граней – смысловых значений, желаемых к изъ-явлению смыслов, - и от неспособности нашей подобрать одно-единственное, точно жалящее, самое верное, одно-значное слово – употребляем тогда подряд, один за другим про-износим, - несколько вариантов слова с

различными оттенками флексий, различными сочетаниями корневых основ. Быть может, при утяжелении текста, достигаем таким образом некоего смыслового объёма, - ведь сам смысл слова, желанный к про-изнесению и предлагаемый к усвоению, - совсем не однозначен, не есть предмет точечного, либо линейного осознания, но скорее некое пространство смысла, описываемого более последовательно приближающимися к нему много-численными гранями. И лишь в огранке слов и значений смысл обретает эту передаваемую и вос-принимаемую пространственность. Понимаем, что каждая из значащих граней – слов не вполне способна описать желанное к описанию, но будет лишь частью передаваемого смысла, при-внесёт его лишь от-части. Со-вмещённые же значения в от-тенках слова, пусть и повторяющиеся, на грани или же – за гранью пред-осудительной тавтологичности, на грани или за гранью привычных законов логики изложения, на грани или за гранью дурного тона... - вполне будут, однако, укладываться в традицию библейского смысло-изъявления, как лексические обороты усиленного внутреннего содержания... Создадут в этих совокупных оттенках слов некоторую полноту напряжённого объёмного смысла, пусть и за счёт утяжеления, грузности, некоторой сложности в восприятии текста.

Заведомо измучивая так читающего, при-влечём ли его в текст, не от-пугнём ли... заставим ли его, войдя во вкус мучений, так и продолжать напряжённое про-читывание, в-читывание в предлагаемый текст, не отринуть его от себя, не от-ложить его подальше, как тяжкий, сложный, карябающий, царапающий и ранящий сознание, как не привычный к прочитыванию, к усвоению. Усвоения нынче вовсе не требуют для себя предметы искусств... словесные формы... Слово со-временное, в духе времени сего не жаждет быть у-своенным кем-то, но лишь раз-влекает собою, либо при-вивает нужные и полезные навыки. И раз-влечение словом, от-влечение во времени почитается вполне достойной и достаточной задачей со-временного слова, живущего лишь в пределах века сего и мира сего... слово не претендует, стыдится и даже страшится вне-временного, как не-приличного ему. Искусство раз-влекает, во-влекает ум в приятное пре-провождение времени, без-ценного времени текучей жизни. Зачастую не наполняя в этом раз-влечении – ничем! Не желаем следовать таковому искусству, в таких задачах – существовать, трудиться, о них заботясь, - и тратить свои усилия на дела, заведомо столь без-плодные. Возможно, наше дерзновение столь же без-плодно, поскольку не найдёт оно вос-приемников, желающих утрудить себя к проникновению в наш текст, в наше слово, в нашу записанную речь, разделить с нами поиски смысловых значений и усилия в осознании смыслов, разделить с нами этот труд... со-трудничать с нами в вы-явлении полноты слова и образа. Именно этого хочется в написании текста. Сущностного со-бытия с нами, едино-гласия, едино-смыслия, едино-умия... взаимного понимания человека – человеком перед лицом Господним. «Да единомыслием – исповеваемы». Поддержим себя привычным, любимым и всякий раз жадно ожидаемым за литургией возгласом: «единими усты и единым сердцем, ... единомысленно!» Именно эти возгласения – адекватны и естественны для церковного само-сознания и бытия единицы – человека во много-ликой, много-образной церкви в союзе – со-узах Любви, как писал святитель Илларион (Троицкий). Слова в тексте- как образ этого со-юза, со-пряжения Любви... Текст – как образ церкви, много-смысленный, много-образный, - быть может, слишком от-далена от нас эта аналогия, - но упомянем о ней и да не оскверним этот образ своею пустотой или опустошённостью... о-без-смысленностью произносимого слова... Слишком значимо слово про-изнесённое, слово воплощённое в текст, - и за каждое праздное слово, - вос-помним же, – дадим ответ – не иначе ведь, ежели веруем. Праздное слово... у-празднённое нами от существа своего, упразднённое от Бога – Слова, от Логоса словесного, от Сына Божиего от-влечённое наше

слово, сказанное не перед Ним, утаённое от Него... - за такое пре-небрежение к слову, за такое у-нижение его – дадим ответ и, видится так, что не можем не дать этого ответа. Вот и пытаемся, воз-нося желанные смыслы, искать, напряжённо и сознательно, вы-искивать средства к этому про-изнесению, способы к этому воз-несению... средства словесные. Образы, пусть излишне эмоциональные, но со-ответствующие тому, что про-изнести нам должно. Так помышляем, так – усиливаемся выразить, быть может невыразимое, но лишь символизируемое в полноте нашего языка, несомненно пре-исполненного славы Божией и, как видится, при-способленного и созданного в у-стремлении к единственной только цели про-славления славы Господней в хождении перед Ним и самого - Бого-общения человека. Так – усиливаемся помышлять теперь. Так и помышляем. Так ищем средства и способы к благодарному и бережливому, творческому использованию своего родного, несомненно Богом данного нам языка.

Рас-щепляем, разъ-единяем, вы-являем для себя обнаруживаемые нами в слове разно-образнейшие и много-плодные методы и способы об-о-значения корневых смыслов. Об-наруживаем их в соединённых корнях слов, о-гласованных, рас-цветенных, много-плодными флексиями, уточняющими, рас-крывающими неисчислимы богатства звучаний, о-гласовок и смысловых оттенков, вы-являющих наиболее точные значения слов. И даются в уста, влагаются в сердце, в-ручаются в руки человеку, пользующемуся языком – слова, такой как могучий орган, как удивительный много-мощный инструмент, как действенное оружие и за-щита. И если желательно нам, в томительной неутешности ничем иным - желательно использовать этот дар наиболее точно, полно-весно и полно-значно, - нельзя пре-небресть всеми вложенными в слово потенциальными возможностями и выразительными средствами, нельзя заболтать их, пройти, пусть благочестиво, но безразлично и поспешно – мимо... но не-об-ходимо... не-от-ходно... не-от-странимо – остановим свой взгляд на этих нюансах слово-образования, на самой возможности из-влечения и до-несения смыслов из высказанного и начертанного слова. Вот и применяем в этом своём – личном – желании – такой метод... этакое словесное хулиганство некоторого ис-кажения внешнего вида родного языка. Не из пренебрежения к нему, но, единственно, из желания усилить, не заболтать, вы-явить и пре-поднести его красоту, величие и выразительность... из опасливой боязливости – зарыть этот дар под спуд скоро-говорки привычных слов. Ни в коей мере не в силах претендовать мы на разрушение, либо на установление нормы, не помышляем даже и о допустимости «нормотворчества», об установлении правил, и на допустимость искажения существующей нормы – не претендуем. Но видим – видимое, ощущаем – ощущаемое: слово – превышает возможность своего вос-приятия, наполненность слова смыслами неместима, неместима настолько, что стало привычным – не вмещать его совсем. Вот и предъ-являем составные части к поглощению, к усвоению... себе самому, прежде всего, довольствуемся, услаждаемся вкушаемым и жаждем разделить это удовольствие хоть бы кем – то едино-мысленным и жаждущим тако же.

Видим в использовании способа графического расщепления составов слова – возможный вариант, быть может, кажущегося, – оживления текста, усиления слова в вы-явлении его упрятанного потенциала к выражению невыразимого, пусть и при нарушении языковой нормы. Быть может, всё это от скудости наших сил... от нашего неразумия и от неумения владения языком в полной его, чистой, нормированной, правильной мере. Быть может, от неместимости нашей мысли, пре-восходящей слово, не укладываемой в слово, в прокрустово ложе текста... «Мысль из-реченная – есть ложь» - говаривал поэт, сознающий оскопление мысли, укладываемой в словесный предел. Не согласимся с этим,

когда понимаем речение, как слово, про-образованное Самим Логосом. Мысль изрекаемая, влагаемая, в-ручаемая Слову Истины не может лгать. Но да не станет при этом графическое разделение корней и флексий – этаким само-достаточным похотливым и горделивым желанием пре-высить, разрушить само препятствующее мысли слово. Отнюдь, не так... но лишь пред-ложить, предъ-явить мысли - слово – как просторный и вместительный, Богом данный и Бого-откровенный ковчег, объемлющий и вмещающий эту живую мысль, несущий её в себе, возводя ввысь по поверхности погибельных вод. И да приемлет, да вместит слово – и мысль, и чувство – весь всю жажду мысли к про-явлению, изъ-явлению, о-существлению, к во-плочению в слово. Пусть этот способ рас-творения слова будет лишь частным опытом, личным примером, - он может быть и доходчивым, и результативным, - восполняя лишь личное немоществование, слабость и личное несовершенство перед тем, чему должно быть про-изнесённым, что на кончике языка – просится к вы-сказыванию. Воспримем это, как частный словесный опыт, понимая, что негоже пользоваться им неумеренно, раздражая и перегружая возможного читателя этих разъединённых, расчленённых внутри себя слов. Но нарочито - допускаем это расчленение, разрешаем себе эту многочисленную гроздь – это нагромождение слов это наращивание смыслового объёма, эту осознанную тавтологичность, когда выявляемый смысл, по нашему разумению, либо по нашему несовершенству, не вполне описывается в одно слово... Допускаем в моменты, требующие от нас особенной выразительности конкретного значения или когда сама обретаемая нами выразительность вынуждено - проходит через узкие и тесные врата поиска средств выражения, быть может ломая стену вместе с этим узким и тесным лазом в ней... Поиск наиболее точного смыслового оттенка, наиболее верного смыслового звучания... – быть может слишком часто мы не обретаем в немощи своей единственного выразительного средства, изнемогаем в поиске его – и привлекаем множественность поспешествующих слов... слов, расчленяемых для дополнения одного – другим, для выявления и устроения смыслового объёма, который по нашему мнению не всегда описывается одним корневым значением, одной смысловой огласовкой-флексией, одним вариантом сочленения разнородных корней. Вот и дозволяем себе, да простит читатель, - это вольное, своевольное обращение с лексической нормой, да не стеснены же мы перед ней никакими обязательствами, кроме естественного уважения к ней, к слову и правилу его употребления, - к норме выстраданной, выверенной и, несомненно, благодатной... - чувствуем её таковой. И изъясняемся, по мере сил не обуреваемы словом, находя способы к этому изъяснению и надеемся, что в обретении, в использовании этих способов - мы не останемся совершенно уж одиноки и не воспринимаемы другими. Во славу Господнюю и – пытаемся излагать, и изъясняться – так.